

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44
X19

Серия «Эксклюзивная классика»

Peter Handke

DIE ANGST DES TORMANNS BEIM ELFMETER

Перевод с немецкого *В. Куреллы*

Серийное оформление и дизайн обложки *Е. Фerez*

All rights reserved by and controlled through
Suhrkamp Verlag Berlin.

Хандке, Петер.

X19 Страх вратаря перед одиннадцатиметровым :
[повесть] / Петер Хандке ; [перевод с немецкого
В. Куреллы]. — Москва : Издательство АСТ,
2020. — 160 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-120915-5

Бывший вратарь Йозеф Блох, бесцельно слоняясь по Вене, знакомится с кассиршей кинотеатра, остается у нее на ночь, а утром душит ее. После он бежит в маленький городок, где, затаившись, через полицейские сводки в газетах следит за происходящим, понимая, что его преследователи все ближе и ближе...

«Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» (1970) — самая известная повесть Хандке о вратаре, пропустившем гол. Гол, который дал трещину в его жизни.

УДК 821.112.2-31
ББК 84(4Гем)-44

© Suhrkamp Verlag Frankfurt am Main,
1970

© Перевод. В. Курелла, наследники, 2020

© Издание на русском языке AST

Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-120915-5

*Вратарь смотрел,
как мяч пересек линию...*

Монтеру Йозефу Блоху, в прошлом известному вратарю, когда он в обед явился на работу, объявили, что он уволен. Во всяком случае, Блох именно так истолковал тот факт, что при его появлении в дверях строительного барака, где как раз сидели рабочие, только десятник и посмотрел в его сторону, оторвавшись от еды. Блох сразу ушел со стройплощадки. На улице он поднял руку, но проехавшая мимо машина — хотя Блох, поднимая руку, вовсе не собирался останавливать такси — не была такси. Наконец он услышал перед собой скрежет тормозов; Блох обернулся: рядом стояло такси, водитель-таксист ругался; Блох опять повернулся, сел в машину и велел везти себя на фруктовый рынок.

Был прекрасный октябрьский день. Блох съел у ларька горячую сардельку, а затем на-

правился сквозь ряды ларьков к кинотеатру. Все, что он видел, его раздражало; он постарался как можно меньше обращать внимания на окружающее. В зрительном зале он вздохнул с облегчением.

Задним числом Блох удивился, что кассирша на жест, с которым он, ни слова не говоря, положил деньги на вращающуюся блюдце, как бы вполне естественно, тоже ответила жестом. Рядом с экраном он увидел электрические часы со светящимся циферблатом. Посреди сеанса вдруг услышал, как бил колокол, и долго не мог решить, бил ли колокол в фильме или на церковной колокольне возле фруктового рынка.

Очутившись снова на улице, он купил себе винограда, очень дешевого в это время года. И пошел дальше, ел на ходу виноград и сплевывал кожуру. В первой гостинице, где он спросил комнату, ему отказали, потому что у него с собой не было ничего, кроме портфеля; портье второй гостиницы в ближайшем переулке сам провел его наверх в номер. Не успел портье выйти, как Блох лег на кровать и вскоре уснул.

Вечером он вышел из гостиницы и напился. Позднее, протрезвев, попытался звонить

знакомым; но поскольку знакомые эти часто выезжали за город и автомат не возвращал монеты, у Блоха скоро кончилась мелочь. Полицейский, с которым Блох поздоровался в надежде его остановить, не ответил на его приветствие. Блох спрашивал себя, не истолковал ли полицейский как-нибудь превратно слова, которые он крикнул ему с противоположной стороны улицы, и вспомнил о той естественности, с какой кассирша в кинотеатре повернула к нему блюдо с билетом. Он настолько удивился скорости ее движения, что чуть не позабыл забрать билет с блюда. Он решил повидать кассиршу.

Когда он подходил к кинотеатру, как раз погасли рекламные стенды. Блох увидел человека, который, стоя на лестнице, менял название сегодняшней картины на завтрашнюю. Он подождал, прочел название нового фильма и только тогда вернулся в гостиницу.

Следующий день был субботний. Блох решил еще на сутки остаться в гостинице. Если не считать американской четы, он был единственным посетителем в буфете; некоторое время он прислушивался к их разговору, который Блох, не раз в прошлом ездивший со

своей командой на матчи в Нью-Йорк, более или менее понимал, потом выскочил на улицу купить газеты. Газеты субботнего выпуска были в тот день особенно увесистыми, он не стал их складывать, а унес, зажав под мышкой, в гостиницу. Снова сел за свой столик в буфете — остатки завтрака тем временем успели прибрать — и вытащил все рекламные приложения; настроение от этого испортилось. На улице он заметил двоих прохожих с пухлыми газетами. Пока они не прошли, он сидел не дыша. Лишь теперь он сообразил, что это была та самая американская чета; он видел их только в буфете, за столиком, и на улице не сразу узнал.

Потом в кафе он долго пил простую воду, подававшуюся там к кофе. Иногда он вставал и брал иллюстрированный журнал из стопок, лежавших на особо для того предназначенных стульях и столах; официантка, унося наваленные около него журналы, бросила: «Для этого есть журнальный столик». Блох, который, с одной стороны, заставлял себя перелистывать страницы, а с другой — не откладывал ни одного журнала, не перелистав его до конца, пытался время от времени выглядывать на

улицу; контраст между иллюстрациями в журнале и сменой уличных картин приносил ему облегчение. Перед уходом он сам положил журналы обратно на столик.

Ларьки на фруктовом рынке были уже закрыты. Блох некоторое время машинально гонял перед собой попадавшие ему под ноги гнилые овощи и фрукты. Где-то между ларьками он справил нужду. Причем заметил, что стены деревянных строений совсем почернели от мочи.

Выплюнутая им вчера виноградная кожура все еще валялась на тротуаре. Когда Блох положил деньги на блюдце кассирши, бумажка, вращаясь, зацепилась; у Блоха появился повод что-то сказать. Кассирша ответила. Он еще что-то сказал. Так как это было необычно, кассирша на него взглянула. Это опять-таки послужило для него поводом для дальнейшего разговора. В зрительном зале Блоху припомнились роман в бумажной обложке и электроплитка возле кассирши; он откинулся назад и стал наконец различать лица и предметы на экране.

Ближе к вечеру он поехал трамваем за город на стадион. Взял стоячее место, но потом

уселся на газеты, которые все еще не выбросил; зрители впереди заслоняли ему поле, но это его не беспокоило. Во время игры большинство садилось. Его, Блоха, не узнали. Он оставил газеты, прижал их сверху пивной бутылкой и, чтобы не угодить в толчею, еще до финального свистка покинул стадион. Его удивило множество ожидающих перед стадионом почти пустых автобусов и трамваев — матч был гвоздем сезона. Он сел в трамвай. И так долго сидел там почти в полном одиночестве, что начал ждать. Может, судья назначил дополнительное время? Когда Блох поднял глаза, то увидел, что солнце садится. Он опустил голову, не собираясь ничего этим выразить.

На улице вдруг поднялся ветер. Почти одновременно с финальным свистком, вернее, с тремя продолжительными отдельными свистками, водители и вагоновожатые поднялись в автобусы и трамваи и публика ринулась со стадиона. Блох вообразил, что слышит звон полетевших на поле пивных бутылок, одновременно он слышал, как в стекла бьет пыль. В зале кинотеатра он откинулся, а здесь, когда зрители ворвались в вагон, наклонился

вперед. По счастью, у него оказалась с собой программка к фильму. У него было такое ощущение, будто на него направили свет всех прожекторов стадиона. Какое идиотство, сказал Блох. Он был из тех вратарей, кому такой свет — помеха.

В центре города он долго искал телефонную будку, а когда нашел незанятую, там, на полу, валялась оборванная трубка. Он пошел дальше. В конце концов можно позвонить и с Западного вокзала. Но была суббота, и никого из знакомых он не застал. Когда же наконец женщина, которую он знал в прежние времена, ответила, Блоху пришлось довольно долго объяснять, пока она поняла, кто звонит. Они условились встретиться в погребеке возле Западного вокзала, где, как Блоху было известно, имелся музыкальный автомат. Дожидаясь, он убивал время, бросая монеты в автомат, потом просил посетителей нажимать на кнопки, а сам тем временем разглядывал на стенах фотографии и автографы футболистов. Несколько лет назад заведение арендовал нападающий из национальной сборной, затем он отправился за океан в качестве тренера одной из диких команд аме-

риканской футбольной лиги, а после роспуска лиги так там и застрял. Блох разговаривал с девушкой, которая, сидя за столиком рядом с автоматом, нажимала не глядя на кнопку и всякий раз попадала на одну и ту же пластинку. Они вместе вышли из погребка. Он попытался пристроиться с ней в каком-нибудь подъезде, но все двери были уже на запоре. А когда одна дверь поддалась, оказалось, судя по пению, что за второй дверью идет какое-то молебствие. Они вошли в лифт, помещавшийся между первой и второй дверьми; Блох нажал на кнопку самого верхнего этажа. Но еще прежде чем лифт туда добрался, девушка захотела выйти. Тогда Блох нажал на кнопку первого этажа; они там вышли и остались стоять на лестничной площадке; тут девушка стала нежнее. Они вместе поднялись по лестнице. Лифт стоял на мансардном этаже; они вошли в него, спустились вниз и вышли на улицу.

Некоторое время Блох шел рядом с девушкой, потом повернул обратно и возвратился в погребок. Его знакомая, не сняв пальто, уже дожидалась. Блох объяснил приятельнице девушки, все еще сидевшей за столиком возле

автомата, что ее подружка не вернется, и вместе с женщиной вышел из погребка.

Блох сказал:

— Я сам себе кажусь смешным, так вот, без пальто, когда на тебе пальто.

Женщина взяла его под руку. Чтобы высвободиться, Блох сделал вид, будто хочет ей на что-то указать. Однако не знал, на что же ей указать. Внезапно ему захотелось купить вечернюю газету. Они прошли несколько улиц, не встретив ни одного продавца газет. В конце концов поехали на автобусе к Южному вокзалу, но вокзал был уже закрыт. Блох сделал вид, будто испугался; но он и в самом деле испугался. Женщине, которая еще в автобусе, открыв сумочку и перебирая какие-то мелочи, намекнула, что нездорова, он сказал:

— Я совсем забыл оставить записку, — сам не зная, что, собственно, имеет в виду под словами «оставить» и «записка». Во всяком случае, он один сел в такси и поехал на фруктовый рынок.

В кинотеатре по субботам был дополнительный ночной сеанс, выходит, Блох приехал даже слишком рано. Он зашел в кафе самообслуживания поблизости и стоя съел фрика-

дельку. Попытался было по возможности коротко рассказать официантке анекдот, но так и не успел и оборвал байку на полуслове и расплатился. Официантка засмеялась.

На улице он встретил знакомого, тот попросил денег. Блох его выругал. Когда этот пьянчуга вцепился ему в рубашку, на улице вдруг стало темно. Тут пьяный испуганно отдернул руку. А Блох, знавший, что световая реклама кинотеатра погаснет, поспешно удалился. Перед кинотеатром он встретил кассиршу — она как раз садилась в машину с каким-то мужчиной.

Блох посмотрел на нее. Уже сидя в машине, она ответила на его взгляд, поправив под собой платье; во всяком случае, Блох принял это за ответ. Ничего особенного не произошло; она захлопнула дверцу, и машина отъехала.

Блох вернулся в гостиницу. Холл гостиницы был освещен, но пуст; когда он снимал ключ с крючка, из гнезда выпала сложенная бумажка; он развернул ее — это был счет. Пока Блох стоял с бумажкой в руке, рассматривая единственный стоявший у двери чемодан, из каморки в холл вышел портье. Блох

сразу же попросил у него газету и заглянул при этом сквозь отворенную дверь в каморку, где портье, очевидно, дремал на вынесенном из холла стуле. Портье закрыл дверь — Блох успел разглядеть еще стремянку с суповой миской на верхней ступеньке — и, только став за конторку, приготовился ответить. Но Блох уже расценил закрытие двери как отказ и поднялся к себе в номер. Лишь перед одной из дверей в длинном коридоре он увидел пару обуви; в комнате он скинул, не развязывая шнурков, ботинки и тоже поставил их перед дверью. Лег на постель и тотчас уснул.

Среди ночи его ненадолго разбудила ссора в соседнем номере; а может, просто слух его был так раздражен внезапным пробуждением, что он принял голоса за стеной за голоса ссорящихся. Он ударил кулаком в стену. После чего послышался шум льющейся из крана воды. Потом кран завернули; стало тихо, и Блох снова уснул.

На следующее утро Блоха разбудил телефон. Спрашивали, намерен ли он оставить за собой номер еще на одну ночь. Разглядывая свой портфель на полу — в комнате не было скамеечки для чемоданов, — он сразу же отве-